

Аналитическая этика

XX век вошел в историю этики как век коренных переворотов в понимании ее предмета и методологии. Это выразилось, прежде всего, в отходе от тех принципов, которые были характерны для классической этики, а также в их переосмыслении с учетом реалий современного мира. Изменился и взгляд на классические проблемы этики, и способы интерпретации традиционных категорий.

На фоне успехов естественных наук, эффективного развития научной методологии, которая опирается на описание и систематизацию фактов, постановку опытов, построение теорий, где все основано на правилах и принципах логики, состояние этики представлялось некоторым исследователям начала прошлого века неудовлетворительным. Это приводит к кардинальному повороту в развитии этики XX столетия. Этика также обратилась к методологическим основаниям собственного знания. Теперь главным для нее стал вопрос о том, каким образом строятся этические теории, и могут ли они претендовать на статус научности. Так этика превратилась в аналитическую этику.

Само название говорит о том, что этика сознательно отказалась от исследования поведения человека, познания природы морали и обоснования ее ценностей и идеалов до тех пор, пока не прояснится вопрос о природе этического знания и возможности самой этики соответствовать общепринятым принципам научности. Этика стала рассматриваться как метатеория о том, каким образом строятся этические теории. Метаэтика основывается на методологии неопозитивизма, рассматривающего философию как метод рассуждений. Средством такого изучения моральных феноменов оказывается формально-логическое исследование языка.

Метаэтика вовсе не отрицает разнообразные теории классической этики о моральных ценностях, идеалах и их выводы относительно поведения человека. Однако она возражает против претензий этих теорий на объективную истинность и на авторитет научного знания. По ее мнению, сначала надо проанализировать природу этических суждений, и только потом можно будет утверждать их истинность, и требовать их безусловного выполнения. Аналитическая этика не дает ответов на вопросы что делать, как жить, есть ли смысл жизни и если да, то в чем он? Она не решает нравственные проблемы. Ибо общих для всех и единственно верных (то есть подлинно научных) ответов на эти вопросы, с точки зрения метаэтики, не существует.

Начало метаэтики большинство исследователей связывают с именем Дж. Мура, который выявил и разоблачил «натуралистическую ошибку» всей предшествующей этики и тем самым показал ее научную несостоятельность. Он обратил внимание на общий для всех дефиниций добра логический дефект – несоизмеримость определяемого и определяющего понятий. Этот дефект он и обозначил термином «натуралистическая ошибка». Дж. Мур считает неправомерным отождествление добра как оно есть само по себе с объективными свойствами существующей действительности (естественной или сверхъестественной, «сверхчувственной», метафизической реальности). Ошибочными он признает натуралистические (отождествляющие добро с тем или иным «естественным» качеством - удовольствием, биологической эволюцией и другими) и метафизические дефиниции, а также такие, в которых добро определяется описанием составляющих его признаков. Вообще любая дефиниция добра неверна. Ибо это понятие интуитивно самоочевидно, но научно неопределимо принципиально. В итоге, люди могут знать, что такое добро, только благодаря интуиции, а любая попытка вербализовать это знание приведет к «натуралистической ошибке».

В дальнейшем в развитии аналитической этики выделяют две стадии: эмотивизм (А. Айер, Ч.Л. Стивенсон, Б. Рассел, Р. Карнап и другие) и лингвистический анализ языка морали (Р. Хэр, С. Тулмин и другие).

Эмотивизм, используя в своих исследованиях моральных суждений принцип «верификации», приходит к выводу, что эти суждения не «верифицируемы». К ним не применимы понятия «истинность» и «ложность». Они не обладают объективным смысловым значением и не утверждают ничего фактического, не говорят ничего о положении вещей в мире. Они только выявляют эмоциональное состояние и склонности субъекта, выражают желания говорящего, а также влияют на эмоциональное состояние слушающего, побуждая его к каким-то действиям. Поэтому моральные суждения невозможно ни доказать, ни опровергнуть, ни обосновать. У них есть только две функции: выражать эмоции говорящего и влиять на эмоции воспринимающего субъекта, побуждая его к тому или иному действию. А это значит, что все моральные суждения можно представить как иррациональные реакции на какую-либо ситуацию. У них нет внутренней структуры, они могут быть заменены жестами, интонациями, или просто выражением лица.

В этической литературе принято различать две ветви эмотивизма:

1 «Радикальный эмотивизм» (А. Айер), полностью отрицающий репрезентативность языка морали и наличие логических связей между отдельными его элементами;

2 «Умеренный эмотивизм» (Ч. Стивенсон), который допускает двойственную (ценностно-познавательную) природу моральных суждений. Например, Ч. Стивенсон признает, что моральные слова и выражения одновременно описывают какой-либо предмет и выражают эмоциональное отношение к нему.

В целом, исследователи отмечают сильное влияние эмотивизма на развитие англоязычной аналитической этики 20-50 годов XX века. Его сторонниками были Б. Рассел, М. Шлик, Р. Карнап и многие другие. Однако субъективизм и релятивизм выводов эмотивизма для большинства этиков-моралистов оказываются неприемлемыми.

Школа лингвистического анализа пытается смягчить выводы эмотивистов и начинает исследовать не отдельные моральные суждения, а «обыденный язык морали» в целом. Они не стремятся, как это делали эмотивисты, просто объявить его областью «псевдосуждений» (с точки зрения «языка науки»). Их задача - выявить специфику моральных суждений. Представители этого течения считают возможной «верификацию» частных моральных суждений с помощью более общих (таких, как принципы и идеалы). Однако последние все же нельзя ни обосновать, ни доказать, ни опровергнуть научно.

Пример сближения этики с реальной жизнью и преодоления субъективизма - концепция Р. Хэара. Этическая теория британского философа получила название «прескриптивизм». Разделяя методологические установки лингвистической философии, Р. Хэар считает основной задачей теоретической этики исследование действительных значений моральных слов. Автор утверждает, что язык морали главным образом прескриптивен, а не дескриптивен (прескриптивность для Р. Хэара - логическое свойство морального языка). Прежде всего, он служит для предписания или рекомендации определенных действий, а не описания фактов. В силу того, что правила логики производны от разума, они являются объективно-принудительными. Поэтому моральные предписания объективны (ведь они суть требования разума, а не какого-либо субъекта).

Концепция прескриптивизма показывает, что мораль связана с рациональностью и добровольными действиями, а не только с иррациональными эмоциями и желаниями. Для того чтобы обосновать это, Р. Хэар формулирует принцип «универсализуемости». Например, принимая категорический императив И. Канта, он вносит в эту модель некоторые дополнения. По его мнению, подлинно нравственное требование должно быть: во-первых, универсальным (то есть обязательным для всех разумных существ); во-вторых, универсализуемым (то есть приложимым ко всему множеству конкретных ситуаций, подобных данной).

По мнению Р. Хэара, его теория имеет практическое значение в том, что она показывает рациональный способ решения нравственных коллизий: нужно только досконально изучить все возможные последствия принятия различных решений, и выбрать из них то, которое могло бы получить статус универсального закона. Предполагаемые

последствия автор рассчитывает в категориях пользы и вреда. Такой утилитаристский принцип Р. Хэар признает дополнением категорического императива, несмотря на общепринятое противопоставление кантианства и утилитаризма, основанного, по его мнению, на недоразумении.

Образец лингвистического анализа морального языка дает Л. Витгенштейн в «Лекции об этике». Это произведение представляет собой подготовительный материал, для одного из выступлений в Кембриджском университете в 1929 или в 1930 году. После предварительных замечаний, автор начинает разговор о своей теме с определения этики Дж. Мура («Этика является общим исследованием того, что такое добро»). Но Л. Витгенштейн использует термин «этика» в более широком смысле, который фактически «является существенной частью предмета, который в целом называется Эстетикой» [Витгенштейн Л. Лекция об этике // Даугава. 1989. № 2. С. 100]. Автор дает несколько определений этики – это исследование того, что является ценностью, что действительно важно, это изучение значения жизни. Другими словами, этика – это изучение природы ценности.

Чтобы изучить природу ценностей, надо проанализировать оценочные суждения. Все они высказываются в двух смыслах: тривиальном (относительном) и этическом (абсолютном). Относительные оценочные суждения («хороший стул», «хороший пианист», «правильная дорога») говорят о пригодности, о соответствии определенной цели, то есть об относительной ценности предмета или явления. Все характеристики, которые раскрывают смысл такого суждения, могут быть проверены при сопоставлении их с фактическим положением дел. В этике же ценностные суждения употребляются в абсолютном смысле, безотносительно к определенной цели, имеющей эмпирические характеристики, что делает невозможной их опытную проверку. Важно отметить, что относительные оценочные суждения касаются объектов, относительно которых допустима большая или меньшая степень приближения к совершенству, что неприемлемо в отношении абсолютных суждений о ценности (например, поступки человека должны быть безусловно добрыми). Таким образом, автор наглядно показывает отличия тривиальных суждений от этических: частные оценочные суждения являются лишь утверждениями о фактах. Но, «хотя все суждения, имеющие относительную ценность, могут быть представлены как всего лишь суждения о фактах, при этом ни одно суждение о факте не может быть суждением, имеющим абсолютную ценность» [Там же].

Л. Витгенштейн разграничивает познавательные (утверждения о фактах) и ценностные суждения. Ценности находятся вне «пространства» фактов, и умозаключения от факта к норме неправомерны. Следовательно, никакое фактическое положение дел не может обрести силу абсолютного предписания. «Этика, если она вообще является чем-то, есть нечто сверхъестественное, а наши слова могут лишь содержать факты» [Там же. С. 102], - утверждает автор. Причем любые «факты, предложения, выражающие факты, содержат только относительную ценность и относительное добро, правильность и так далее» [Там же]. Тогда возникает вопрос: «что же у всех нас содержится в сознании, что мы пытаемся выразить, когда используем такие выражения как «абсолютное добро», «абсолютная ценность» и так далее?» [Там же]. С помощью этих выражений люди пытаются передать опыт переживания чего-то «высокого», который невозможно передать словами. Ибо «словесное выражение, которое мы даем этим переживаниям, есть бессмыслица» [Там же. С. 103]. Сказать, что тебя удивляет существование мира, что ты удивляешься небу, каким бы оно ни было, или говорить о чувстве абсолютной безопасности – это злоупотребление языком. Бессмысленно удивляться существованию того, что не может не существовать. Неверное применение языка, нарушение правил его нормального действия характерно для всех этических и религиозных выражений.

Нарушение границ языка Л. Витгенштейн видит и в характерных для этических и религиозных суждений сравнениях (например, антропоморфные представления о Боге). Но сравнение - это сопоставление чего-то с чем-то, каких-то вещей, описание которых должно быть возможным и без сравнения. В данном случае, «как только мы пытаемся опустить

сравнение и просто констатировать факты, которые стоят за ними, то мы обнаруживаем, что таких фактов нет. Итак, то, что вначале казалось сравнением, теперь кажется просто бессмыслицей» [Там же. С. 104]. Автор принципиально разграничивает факты и ценности, настаивая на нефактуальной природе последних. Возвышенные переживания он связывает с человеческой способностью воспринимать некоторые вещи как чудо. А в слове «чудо» опять же можно выявить тривиальный и этический смыслы. Предмет этических и религиозных высказываний трансцендентен, а потому мы не можем выразить с помощью языка того, что хотим выразить. «Стремление всех людей, кто когда-либо пытался писать или говорить об этике или религии, было стремлением вырваться за границы языка. Этот побег сквозь стены нашей клетки совершенно, абсолютно безнадежен» [Там же. С. 105]. Этика, которая стремится сказать что-либо об абсолютном значении жизни или абсолютном добре, не может быть наукой, ибо ничего не добавляет к нашему знанию. Однако именно она свидетельствует о стремлении человеческого ума, которое не может не вызывать уважения. Именно в этом ее ценность для человека.

Изменения в жизни общества и человека конца XIX–XX веков сделали очевидной неприемлемость решения моральных проблем в классических традициях, воплощенных в этических «мегатеориях», базирующихся на идеале единого принципа морали, под который подводятся все моральные поступки. Метаэтика сосредоточила свое внимание на лингвистическом анализе языка морали. Проведя критический анализ языковых форм моральных высказываний, она пришла к выводу о том, что к моральным суждениям не применимы понятия «истинность» и «ложность», они не доказуемы с помощью фактических знаний, а нормативная этика не может быть построена в качестве науки. Аналитическая этика не пыталась решить нравственные проблемы человека, она убедительно показала, что общих для всех и единственно верных ответов на эти вопросы не существует. В целом, отказ от заданных моральных абсолютов характерен для всех этических теорий XX века.